

тщательнымъ и мастерскимъ рисункомъ и лучшимъ качествомъ черепка, но особенности его, чисто мѣстнаго характера, сохраняются такъ-же, какъ и для современной посуды.

Наконецъ, небольшое мѣсто въ этомъ собраніи занимаютъ орнаментированные глиняные кувшинчики, находимые частью цѣликомъ, частью въ кускахъ, отличающіеся синеватымъ плотнымъ тонкимъ черепкомъ, украшенные штампованными и изрѣдка рѣзными орнаментами, то буквеннаго, то растительнаго, то животнаго характера, и такіе же орнаментированные сосуды, но съ краснымъ и желтоватымъ черепкомъ. Кромѣ Самарканда, осколки подобныхъ же издѣлій попадаютъ и въ развалинахъ стараго Мерва.

Эта коллекція въ связи съ собраніемъ черепковъ, такого же характера, привезенныхъ мной для Русскаго музея Императора Александра III, можетъ послужить хорошимъ матеріаломъ для изученія керамики Средней Азіи.

С. Дудинъ.

С.-Петербургъ, 20 сентября 1905 г.

Краткій отчетъ о поѣздѣ къ бурятамъ съ научною цѣлью, по порученію Русскаго Комитета.

Последняя поѣздка моя (третья по счету) отличается отъ предыдущихъ не столько обиліемъ матеріала, сколько лихорадочнымъ характеромъ разъѣздовъ и работъ. Общее политическое возбужденіе страны, война съ Японіей, близость Далай-Ламы — не могли не вліять на ходъ работы. Къ счастью, для меня, какъ собирателя этнографическаго матеріала среди бурятъ, обстоятельства эти не могли служить препятствіемъ для работъ, а только пзмѣняли ихъ характеръ, и, если большіе и спѣшные разъѣзды не позволяли долго сосредоточиваться на одномъ мѣстѣ и тѣмъ мѣшали исчерпывающимъ образомъ собрать матеріалы народной литературы опредѣленнаго района, за то эти же разъѣзды наталкивали меня на такія интересныя и исключительныя явленія, которыя, для характеристики переходнаго момента развитія бурятъ, представляютъ значительную цѣнность.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ борьбы ламства съ шаманствомъ у забайкальскихъ (агинскихъ) бурятъ, гдѣ «старая вѣра», какъ на «родномъ языкѣ» исполняемая, сдѣлала попытку возродиться снова, со всѣми обрядностями и кровавыми жертвами (заколото въ двухъ трехъ мѣстахъ до 200 барановъ); наблюдалъ двухъ ламъ изъ лучшихъ дацановъ (агинскій и анинскій) въ ожесточенной борьбѣ изъ за мѣстничества и преимуществъ ученыхъ званій, даваемыхъ тибетскими и бурятскими цанитскими школами; поклонялся тибетскому чойжову Сѣтаб, который имѣлъ громадный успѣхъ среди агинцевъ, подавляя злыхъ духовъ и шамановъ, какъ живой геній и волхвъ. Съ другой стороны, пришлось констатировать массовое серьезное (раньше слабое) тяготѣніе добайкальскихъ бурятъ-шаманистовъ къ буддизму («ламайской вѣрѣ», «бѣлой»), бывалъ, конечно, на съѣздахъ—общихъ и частныхъ, отличавшихся горячими рѣчами и приподнятымъ настроеніемъ, характеризующими духъ времени.

Попытка возрожденія шаманства среди буддистовъ и тяготѣніе шаманистовъ къ буддизму — два противоположныхъ явленія — заслуживаютъ вниманія наблюдателя. Психическая подкладка обоихъ явленій одинакова — именно недовольство господствующею религіей: шаманисты недовольны шаманствомъ и глубоко проникнуты желаніемъ перейти въ лучшую религію, чистую и праведную (бѣлую), безъ кровавыхъ жертвъ и т. д., а буддисты недовольны ламами за то, что они игнорируютъ родной языкъ (замѣняя его тибетскимъ, непонятнымъ для бурятъ и для мѣстныхъ духовъ), презираютъ преданія старины, національные обычаи и т. д. Внѣшнимъ поводомъ для принесенія кровавыхъ жертвъ по шаманистскому обряду послужила небывалая, адская засуха. Видя, что ламы не могутъ ни вымолить дождя, ни заставить его падать, приверженцы старой вѣры уговорили ламаитовъ пригласить одного убѣжденного шамана (ламаита же) и устроили рядъ жертвоприношеній. Надо замѣтить, что остатки шаманства всегда имѣлись у забайкальскихъ бурятъ, они имѣются и теперь, но примѣръ возрожденія, хотя и неуспѣшнаго, — составляетъ исключительное явленіе. Помню, въ началѣ девяностого года минувшаго столѣтія — тоже въ страшную засуху — было нѣсколько кровавыхъ жертвоприношеній по шаманскому обряду, но благодаря умѣлой проповѣди ширетуя Данжинова (покойнаго) старовѣры покались въ своихъ заблужденіяхъ.

Теперешніе ламы обратились къ Чойжону, который, какъ живой представитель треокаго докшита, объявилъ войну всѣмъ нечистымъ, чернымъ духамъ и ихъ служителямъ-шаманамъ, объявилъ открыто вызовъ на волхвованіе, и, конечно, не нашлось ни одного шамана который дерзнулъ-бы тягаться съ живымъ божествомъ (аміуду бурханъ). Бурятскія свѣтскія власти оказывали содѣйствіе ламамъ. Бѣдные шаманы и шаманки приходили съ повинной головой къ Чойжону, клялись, что не будутъ шаманить (вполнѣ искренно и охотно), но иные, болѣе упорные, убѣгали и не сдавались. Полученныя шаманскія принадлежности сжигали, разрушали и зарывали въ землю. Спасителемъ шаманскихъ принадлежностей явился молодой человекъ, который пустилъ въ ходъ хадаки, деньги и открытые листы, и весьма цѣнныя, единственныя въ своемъ родѣ, принадлежности шамана очутились въ числѣ этнографическихъ коллекцій музея Императора Александра III. Не успѣй я во время — погибли бы рѣдкости.

Далѣе, борьба ламъ изъ-за мѣстъ и преимуществъ званій не гармонируетъ съ саномъ и достоинствомъ бикшу и весьма характеризуетъ современныхъ ламъ. Въ этой борьбѣ, мотивы которой очень сложны, они потеряли многое — ихъ авторитетъ, ихъ «почтенность» пали значительно. Попытка шаманства есть серьезная угроза ламамъ.

О тяготѣніи забайкальскихъ бурятъ къ буддизму не буду распространяться, точно также о съѣздахъ и собраніяхъ. Только замѣчу, что до-байкальцевъ буддизмъ плѣняетъ тѣмъ, что не требуетъ кровавыхъ и винныхъ жертвъ (что выгодно въ экономическомъ отношеніи), ламы могутъ справляться съ чертями, домовыми и т. п. господами, могутъ лечить болѣзни и отучаютъ отъ пьянства и грубости.

Подробности путевыхъ наблюденій и впечатлѣній будутъ помѣщены въ дневникѣ. Ниже даю перечень собранныхъ матеріаловъ.

I. Двѣ поэмы, тексты изъ устъ рапсодовъ.

Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ «95-лѣтній старикъ-великанъ и его жена Сбня-дрѣма» («Спать-дремать») — занимаетъ 324 страницы почтовой бумаги большого формата и заключаетъ около 10,000 строкъ, или болѣе 500 строфъ. Сюжетъ сложный, въ предыдущихъ записяхъ не встрѣчался. Записанъ у кудинскихъ бурятъ (Ирк. губ.) — отъ рапсода Маншуд Смегѣева.

Замѣчу, что пока у иркутскихъ бурятъ имѣется не записанныхъ еще нѣсколько десятковъ поэмъ, и для спасенія ихъ потребуется спеціальная, довольно продолжительная командировка.

Другая поэма записана у забайкальскихъ хори-бурятъ и носить заглавіе «Творецъ бурхановъ и тенгриевъ, молодець Сталь-напилокъ (буладъ хұрай)» — занимаетъ 156 стр., около 3,900 строкъ. Стихъ негладкій: рапсодъ (Бадма Цыбиковъ) настолько отвыкъ пѣть свою поэму, что не сзумѣлъ мнѣ передать ее надлежащимъ образомъ. Ламы настрашали его такъ, что мнѣ пришлось потратить не мало времени, пока Бадма согласился передать поэму.

Содержаніе обѣихъ поэмъ героическое, какъ и въ большинствѣ бурятскихъ поэмъ. Герои дерутся съ чудовищами (мангутами), выкалываютъ чудеса храбрости и мощи, говорятъ съ богами и со своими конями, добываютъ себѣ женъ и т. д.

II. Пѣсни — до 85 штукъ, больше лирическія, коротенькія, далѣе, сатирическія, свадебныя и 1 хороводная.

III. Загадки — до 65. Теперь можно сказать, что для науки бурятскія загадки пока исчерпаны. (Имѣются въ виду записи предыдущихъ годовъ и изданіе Ш. Лх. Базарова).

IV. Пословицы и пожеланія (очень мало — до 20). Не исчерпаны.

Va. Шаманистскія обращенія къ онгонамъ — какъ объясненіе къ коллекціи онгоновъ, собранныхъ для Этнографическаго музея Петра Великаго.

Vb. Онгоны — до 17 названій, подлинники.

Отдѣлъ онгоновъ — непочатая почти почва.

Въ матеріалахъ предыдущихъ годовъ (1903 г.) имѣется довольно много свѣдѣній и текстовъ, касающихся шаманскихъ божествъ и почитанія ихъ, но нѣтъ свѣдѣній объ онгонахъ, изображаемыхъ и хранимыхъ дома.

Такъ какъ весьма трудно достать подлинники онгоновъ, и они весьма разнообразны и многочисленны у каждаго поколѣнія и рода, — то для добыванія ихъ требуется нѣкоторое умѣніе и тактъ. Впрочемъ, располагая достаточнымъ временемъ и небольшою суммой денегъ, всегда возможно то тутъ, то тамъ достать нужные экземпляры.

VI. Образцы письменной бурятской народной литературы, до 30 названий. Имѣются историческія записки и повѣствованія бурятскихъ авторовъ, записки и проекты о ламскомъ вопросѣ; переводъ басенъ Крылова, отрывокъ изъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого и Даммапада.

VII. Дневникъ — требуетъ неспѣшной переписки: сюда войдутъ наблюденія и путевыя впечатлѣнія, подробности борьбы ламства съ шаманствомъ, мѣстничество ламъ и пр., но текстовъ и сырыхъ матеріаловъ въ немъ уже не будетъ.

Цыбенъ Жамцарановъ.

1905 г. 22 сентября.

Предварительный отчетъ по поѣздкѣ къ Енисейскимъ остякамъ въ 1905 г.

Въ виду поздняго вскрытія рѣкъ, первый пароходъ отправлялся изъ Красноярска въ Туруханскій край лишь 7-го іюня.

Такая поздняя отправка шла сильно въ разрѣзъ съ моими интересами, такъ какъ въ такомъ случаѣ я уже не могъ попасть на остяцкіе сугланы, съ чего мнѣ и хотѣлось начать работы нынѣшняго года, но выбора не было.

Дополнительныя свѣдѣнія о самомъ краѣ и объ остякахъ, собранныя мною на мѣстѣ въ Красноярскѣ, не повліяли на измѣненіе плана работъ, даннаго мнѣ въ Петербургѣ, и первымъ пунктомъ остановки я намѣтилъ селеніе Инбатское, въ которое я и прибылъ 14-го іюня.

Не смотря на нѣкоторую гадательность выбора этого пункта, выборъ оказался очень удачнымъ. Здѣсь при устьѣ р. Инбака было цѣлое стойбище остяковъ въ пять чумовъ (юртъ), по нѣскольку семей въ каждомъ. Оказалось, что это «не настоящіе остяки, а, какъ говорили мнѣ обитатели Инбатска, «такъ рвань всякая»! И дѣйствительно это былъ въ буквальномъ смыслѣ нищенскій поселокъ: двѣ семьи кабальныхъ остяковъ (мужики въ данный моментъ были въ нозовяхъ на рыбныхъ промыслахъ); двѣ семьи, мужики которыхъ служили батраками у русскихъ въ Инбатскѣ; слѣпой старикъ Тальтімъ— мой первый учитель; семья бывшаго старшины, пріѣхавшаго сюда